

Сергей Скиба

АМАДЗИН

Сергей Скиба

Амадзин

«Издательские решения»

Скиба С.

Амадзин / С. Скиба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746736-4

Я обычный проводник перевала в живых горах и отлично знаю, куда можно ставить ногу, а куда лучше ткнуть щупом перед этим. Ещё я кузнец, как и почти все мои предки, немного воин, как и все горцы, и... В общем, в жизни я разбираюсь, как мне кажется, но когда перешагиваешь через незримую черту и горы превращаются в ГОРЫ, да ещё и одаривают тебя своей Слезой, все понятия летят пушистику под хвост и остаётся только делать вид, что происходящее вокруг так и было тобой задумано.

ISBN 978-5-44-746736-4

© Скиба С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Амадзин

Сергей Скиба

© Сергей Скиба, 2017

ISBN 978-5-4474-6736-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Человек в сером плаще вскочил из-за стола. Умело выхватил клинок, сразу заметно – носит он его не для красоты. Сабля что-ли? Похоже. Он даже попытался размахнуться, чудак, кто же так машет в ограниченном пространстве с такими противниками? Это не шпана пьяная которую таким финтом разогнать можно.

А вот горцы всегда действуют слаженно, даже если незнакомы друг с другом, старцы говорят – Кровь Гор подсказывает. Сзади серого ухватили за капюшон вынуждая потерять равновесие, кто-то уже повис на руке держащей клинок, кто-то двинул в челюсть. В заведении Грима такие вещи отработаны до автоматизма. Стоит незнакомцу повести себя агрессивно и он уже на полу и обычно без сознания.

Я вернулся к своей каше с мясом, потасовки такого рода здесь происходят редко, но с завидным постоянством, насмотрелся уже. Да и гость особых успехов не достиг, пусть и знает с какой стороны за меч браться, а упал и был потоптан быстро. Вот мой дед в молодости навёл тут шороху, было дело, бабуля рассказывала.

Меня и привлёк то только странный типаж гостя: плащ мехом не подбит, сапожки на тонкой подошве, по камням в таких не походишь, сабля опять же. Никогда таких личностей не встречал, а ведь народу тут вертится уйма и все из разных мест.

В таверне Грима обычно собираются только караванщики – проводника нанять. Торговцы переводящие караваны через горы – народ битый, знают с кем как разговаривать, кому улыбаться, а от кого держаться подальше. А этот видимо в Горнаре впервые и к караванам никакого отношения не имеет. Путешественник что-ли? Такие тоже время от времени появляются, но одеты они не так странно, да и ходят не в одиночку.

Кто-то сел напротив, тяжело сложив руки на столешницу и кашлянув. Я демонстративно медленно оторвался от миски. Ух ты, быстро серый плащ оклемался, синяки не скоро пройдут, но взгляд ясный и двигается нормально. Прошлый раз, человек попавший под раздачу пряников, провалялся пару часов пока в себя пришел.

– Прошу прощения. – Сказал подсевший и потёр распухающую челюсть. – Мне сказали вы проводник.

– Вам не соврали. – Я протянул через стол руку. – Тан Оттан.

– Бродли. – Крепкое рукопожатие, силен не смотря на субтильность. – Мне срочно нужно на ту сторону. Как можно быстрее.

Ну теперь понятно почему он сразу после драки не ушел. Обычно гость таверны получивший по макушке быстро ретируется восвояси и не появляется несколько дней. Этому значит срочно нужно, а за срочность и цену можно поднять. Тем более, что никто из горцев его не поведёт, он же с ними поцапался. Парни теперь пока не остынут, с ним и говорить не станут. Вот только чего он с ними поцапался? Не хотелось бы вести через горы забияку какого-нибудь. Больше неприятностей и мороки чем выгоды.

– Прежде чем перейдём к делу хотелось бы узнать причину потасовки.

– А... – Развёл руками Бродли. – Я бы объяснил, но она мне самому непонятна. Я только спросил у них о проводнике и добавил что желательно чтобы это был не какой-нибудь ворчливый гном. Они начали...

– Что? – Ну даёт, точно первый раз в горах и чтобы убедиться показал пальцем на ребят. – Вы это сказали ИМ?

– Да, а что собственно...

– Но они же горцы. – Я понизил голос. – Кстати, они не любят когда их называют гномами. Если хотите к кому-нибудь обратится используйте слово: «горец».

– Да? – Бадли недоверчиво покосился на парней, те ничуть не смущаясь обсуждали случившуюся драку. – Выглядят как люди.

– Жители долины, видимо, думают что горцы это коротышки с длинными мохнатыми бородами и мерзким характером?

– К моему стыду, вы недалеко от истины. – Кивнул Бадли. – Признаться ранее я не выезжал за пределы лесов и до меня доходили именно такие сведения.

– На самом деле горцы, почти, не отличимы от людей. Ростом, конечно, на голову ниже, да и ворчуны ещё те, ну а так... – Я усмехнулся. – Вы не первый человек попавший впросак.

– Это я понял сразу, по тому как ловко меня обезоружили. Даже оцарапать никого не удалось, хотя раньше я считал себя неплохим воином. Кстати, мне вернут саблю или можно с ней попрощаться?

– В одиночку одолеть группу горцев нереально, а оружие вернут, когда будете уходить. Намекните об этом Гриму когда будете расплачиваться – это владелец таверны.

– Фух. Гора с плеч. Так как насчёт проводника?

– Он у вас есть. – Кивнул я, нормальный мужик оказался этот гость, не задиристый, без излишнего гонора и видимо служивый, таких водить одно удовольствие, ну а то, что с парнями подрался это от недостатка опыта, бывает. – Если сойдёмся в цене.

– О! Цена меня не волнует. – Отмахнулся Бадли. – Мне главное быстро.

Опа! Приехали, а производил такое хорошее впечатление, но я проводник не первый день и точно знаю: люди которых не волнует цена – не путешествуют в одиночку. Если человек идёт один и говорит что-то подобное он не собирается расплачиваться вовсе или расплатится ножом в спину. Однако, не похож этот серый плащ на бандита, совсем не похож.

Итак, мы имеем странно, не по погоде, одетого парня. Вооружение для наших районов редкое более свойственное кавалерии или флоту, идёт один, спешит, в местных обычаях не разбирается, платить не собирается. А может это сынок богатых родителей куролесит? Принц какой-нибудь? Денег море, закон не писан – хочу награду, хочу зарежу. Да ну, бред, лица высокой крови так не разговаривают – без спеси и гонора, без превосходства. Слишком прост для голубой крови. Хотя поговору видно, что и не простолюдин.

– Две сотни. – Я непомерно завысил свою обычную цену, глядя на реакцию парня.

– Идёт. – Легко кивнул Бадли.

– Деньги вперёд. – Лицо собеседника вытянулось, а что ты думал? Бесплатно показаться? Только не на мне.

– Это, как-то, странно. Мы ещё здесь, а деньги уже отдай.

– Ничего странного. Стандартная мера предосторожности. Горы место опасное, мало ли что может случиться. Да и не привыкли мы деньги с собой таскать, в горах они ни к чему. Если беспокоитесь о моей порядочности, наведите справки, тут меня все знают. – Я обвёл рукой помещение таверны нарочно повышая голос на последней фразе.

Горцы за соседними столиками заинтересованно оборачивались и окидывали Бадли злыми взглядами: неужели в слове горца кто-то сомневается?

– Я много слышал о проводниках. Ваше слово высоко ценится. – Поспешно заявил мужчина. – Я согласен.

Про проводников он слышал, а горцев назвал гномами? Попахивает королевской охранкой – тем говорят только то, что они должны знать и ни слова более. Гость вынул кошелёк и выложил две сотенные монеты. Не торгуясь! Судя по распухшему кошельку цена его действительно не волнует. Подозрительный тип. Я рос среди горцев, для них любой так бездарно распоряжающийся деньгами подозрителен, а учитывая остальные странности разумнее отказаться от такого клиента.

Но когда это я вел себя разумно? Мой дед с бабкой держат лучшую кузницу в по правую сторону гор, к ним очередь на пол года растянулась, а я проводником подрабатываю

вместо того чтобы грызть науку кузнечного мастерства. Тут многие, завидев меня, пальцем у виска крутят. Ну да пусть их. Не понимают некоторые, что главное в жизни – разнообразие и независимость, остальное приложится.

Школу кузнецы я давно прошел, работа с металлом давалась мне легко, что не удивительно – все предки кузнецы. А вот ковать однообразные фальшионы для гвардейцев не моё, надоедает. Ничего же другого дед с бабушкой, практически, не делают. От королевских заказов не отвертись. Короли у нас любят чтоб личная гвардия была вооружена только лучшим оружием, а кто у нас лучшие кузнецы, к кому очередь на полгода? Вот, вот.

Иногда выпадает шанс создать что-то выдающееся из мирфила, но этот металл добытчики находят очень редко и ковать из него можно, только для особ королевской крови и только в пещерной кузне у поста. Вот и выходит, что у горна я стою раз в год, а то и реже и кую не что захочется, а очередной кинжал очередному потомку Квеизакотла. Ну хоть что-то.

С другой стороны, агентов охраны я уже водил, их ничего кроме своего приказа не интересует и платят они без долгих разговоров. Поэтому, спрятав гонорар я повёл клиента к торговцу снаряжением. Неприметная лавка через дорогу. Впрочем таких лавок в Горнаре – каждая вторая. Тут либо торгуют снаряжением, либо держат кузницу или плавильню, либо добывают руду. Ну или как я, через Живые горы караваны водят, но таких идиотов мало. Опасное это дело, требующее идеальной памяти – дорога через перевал быстро меняется.

В прошлом году Мерик, один из проводников, сломал ногу и четыре месяца провёл на костылях. Когда оправился и решил вернуться к работе ему пришлось меня нанимать, чтобы хоть немного разведать путь на левую сторону, так неузнаваемо изменился ландшафт. Такие вот у нас горы – живые. Растут, передвигаются, меняются. Если ты не ходил через перевал полгода можешь смело считать что никогда на нём не был.

– Привет Сивик. – Махнул я торговцу. – Собери клиенту набор номер один.

– Эм... – Начал Бродли.

– Это входит в цену перехода. – Перебил я его. – Не хочу чтобы во время пути возникли трудности из-за того, что у тебя нет необходимого минимума нужных вещей. К тому же ты берёшь их только напрокат.

– А, ну ладно.

Сивик, не сказав ни слова, но скорчив недовольную гримасу скрылся в подсобке. Вечно хмурый широкоплечий бородач, вот кто действительно похож на гномов которых представляют себе жители долины.

Они с братом придумали неплохой бизнес. Накладно покупать снаряжение только для того чтобы один раз пересечь перевал. Парни сдавали вещи напрокат в стандартных наборах. Сивик с правой стороны перевала, Савик с левой. Перебираешься на противоположную сторону и сдаёшь набор второму брату – удобно. Платить полную цену нужно только если что-то сломалось или потерялось.

Через минуту торговец вышел и протянул Бродли мешок с таким видом будто отдаёт самое ценное, самое последнее и даром. Бродли пришлось несколько раз дёрнуть мешок прежде чем Сивик выпустил его из рук. Я ободряюще похлопал клиента по плечу и знаком показал что бы не обращал на поведение торговца внимания.

– Негостеприимно у вас, хмуро. – Сказал Бродли когда мы оказались на улице.

– Суровая местность – суровые нравы. – Пожал я плечами, не говорить же что торгующего горца, хлебом не корми дай только цену себе и своему товару набить. – Но веселится ребята тоже умеют. Выходим завтра утром.

– А сейчас нельзя? Я очень спешу. Мне говорили ты можешь перевести одиночку за три дня.

– Вот как? – Не знает как правильно с горцами разговаривать, зато знает про короткую тропу и знает меня, точно охранка или контрабандист. – Тогда лошадь нужно продать, она там не пройдёт.

– У меня нет лошади. – Пожал плечами Брадли.

– Отлично. – У него и лошади нет? Не тянет на контрабандиста. – А как сюда добрался?

– С караваном.

Ага, как же. Последний караван прибыл позавчера, а гость появился только сегодня. При этом ему нужно на ту сторону очень срочно. Я потёр шею, она у меня неприятности чувствует. С другой стороны: парень может просто убежать от чего-то. Это многое объясняет: и спешку, и неподготовленность. Только не объясняет как он сюда добрался.

А что собственно я переживаю? В горах он меня не тронет, а в Нарагоре (город с левой стороны перевала) я ему не позволю, да и смысл ему меня трогать? Деньги он уже отдал, а брать их с собой я не собираюсь. Если из королевских служб – переведу его и на этом всё, там ребята закон уважают и проблем не предвидится. Если беглый бандит-контрабандист и за ним погоня, то я ещё и на загонщиках заработаю, нужно только будет вернуться побыстрее, чтоб они с кем другим не ушли.

– Ладно. Подожди в таверне, я за вещами схожу. – И добавил на всякий. – Да и деньги выложу, не таскать же с собой.

– Что-то нет желания опять в таверне сидеть. – Поморщился Брадли.

Учитывая как он расстался с горцами и не удивительно. Да и Грим, отдавая саблю, смотрел на гостя волком – как умеет только Грим, будто собирается при следующей встрече прибить. Это у него приём бизнеса такой – внушать посетителям страх, чтобы не шалили, а то, что треть из них вообще после этого не приходит Грима не волнует, основная масса посетителей приезжие и надолго они тут не задерживаются. Одним больше, одним меньше.

– Тогда иди по дороге вверх пока не упрёшься в ворота. Не заблудишься. Жди там, догоню.

Городок у нас маленький. Можно сказать одна улица, да несколько переулков. Зато постройки все добротные каменные. Изнутри утеплённые глиной вперемешку с соломой. За ними приходится ездить в долину, в горах только камень, снег, да редкие деревья, приезжие их почему-то кустами обзывают.

Почти при каждом доме кузница или плавильня. Дым от мастерских стелется над крышами постоянно. Мастера Горнара славятся по всему королевству. Теперь только тут, да ещё в Нарагоре можно купить настоящие клинки горцев. Не какие-нибудь поделки, а настоящую подгорную сталь прославленную веками.

Семьдесят лет назад король Квеизакотл разорил великую столицу горцев Сталагор и всё наследие великого города теперь помещается в этих двух маленьких посёлках. Переселяться в низины коренные жители категорически не согласны. Потому люди живущие в долинах мало знают о горцах. Нет больше того великого, гордого народа, что контролировал Живые горы, так, небольшая группа беженцев из разорённой столицы. Вот и название им придумали – гномы, сказочные коротышки-бородачи живущие в пещерах.

В лицо их, конечно, так называть не стоит, любой горец в два-три раза сильнее среднего человека, хоть и ростом меньше. А ещё горцы драться любят, бывает, что и просто так, для поддержания формы или поднятия настроения. Заводиться с ними себе дороже.

Я заскочил в дом, накинул плащ и схватил всегда готовый к походу мешок. На подъём я лёгок. Люблю дорогу.

Брадли ждал у ворот. Мы ещё не вышли, но он уже подрагивает от холода. То ли ещё будет в горах, где от пронизывающего ветра укрыться негде.

– В твоём мешке накидка на меху. Пользуйся. – Подмигнул я клиенту и бодро зашагал вперёд. – Не отставай.

Начало пути, довольно лёгкое. Пологий подъём по постоянной тропе. Меняющиеся скалы начнутся позже, где-то в половине дня пути от Горнара. Надеюсь к тому времени этот мерзляк не превратится в ледышку.

Впрочем, уже через полчаса бодрого марша Бадли согрелся и перестал вздрагивать от каждого дуновения. По дороге он постоянно к чему-то прислушивался и тихо посвистывал. Видимо в такт какой-то мелодии. Я тоже часто пою про себя когда делаю монотонную работу, но его мелодия звучала странно, наверное слуха у парня нет.

Жаль что вышли мы уже после обеда, придётся ночевать на полпути, а я прошлый раз присмотрел чудесную впадину между камнями. Было бы неплохо остановиться именно там, но мы не успеем. В горах и днём то ходить не особо безопасно, а уж ночью и вовсе смерти подобно. Любая покрытая тонким слоем снега трещина может оказаться братской могилой для неосторожных путешественников.

К вечеру добрались до белых границ – местность в которой снег не тает даже летом. Вступать на снежный наст в темноте я не рискнул и скомандовал привал. Выбрал небольшой закуток между двух валунов и достал маленькую палатку. В ней едва могли уместиться двое и она совсем не грела, зато прекрасно защищала от ветра. Уснули тесно прижавшись друг к другу, что бы не замёрзнуть. Бадли попытался было возразить.

– Два парня в обнимку это как-то...

– Давай не будем поднимать такие темы. – Почти каждый идущий через перевал одиночка затевает этот разговор. – В горах только один враг страшнее укрытых снегом трещин – холод. А мы с тобой не благородные девицы.

Утром пришлось изрядно попрыгать чтоб отогреться, Бадли всё-таки ночью отодвинулся и мы оба замёрзли. Затем ещё немного пробежались, пока было можно и вот они Живые горы. Местность с прошлого моего перехода ещё не очень изменилась, но вот щуп (длинная тонкая раскладная палка) я всё равно достал и прощупывал каждую точку на которую собирался ставить ногу.

– Шагай след в след приятель и кинь мне из своего мешка конец верёвки, а свой обвяжи вокруг пояса.

Следующая часть пути – рутина. Тычу в снег щупом, ставлю ногу, опять тычу, ставлю, и так до бесконечности. Ещё нужно запоминать дорогу. Скоро вместо прохода на этом месте может оказаться тупик и придётся искать обходной путь. Благо изменения медленные и их можно отслеживать заранее.

По этой тропе, пожалуй, иду последний раз, две скалы скоро сомкнутся образовав тупик. Зато чуть южнее откроется новый проход, наверное. Растрескавшаяся поверхность камня даёт определённые надежды, но в горах ни в чём нельзя быть уверенным. Любой процесс может остановиться или вообще обратиться вспять, будь то разрастание нового массива или его разрушение. Проводнику всегда нужно иметь в запасе несколько обходных путей и замечать новые, иначе рискуешь проплутать весь день и остаться на месте.

Но и в постоянно меняющихся Живых скалах есть свои оазисы спокойствия. Места где камни по каким-то причинам не двигаются, уж не знаю почему. Слухов и преданий по этому поводу ходит куча, но все они не внушают доверия. Таких мест мало и все мне известны, а одно моё любимое. Дед показал его когда мне исполнилось двенадцать. С тех пор я часто там бываю, естественно так чтоб бабушка не знала, а то зашибёт. Она может. Я не говорил? Моя бабка горянка.

Пожалуй, это единственный известный случай в истории, когда человек женился на женщине из подгорного народа. Какой же мужик смирится с тем, что жена в два раза сильнее и легко может дать в лицо в конце долгой свары? Впрочем, в случае с моим дедом, это не совсем так. В девять лет он уже мог завязать стальную кочергу узлом и в одиночку гонял мальчишек соседних сёл оглоблей. С пятнадцати до двадцати пяти служил в элитных вой-

сках гвардии Квеизакотла и не боялся ни богов, ни демонов. Потом встретил свою будущую супругу – единственное существо способное остановить его даже пребывающего в пьяном дебоше и остепенился.

И не верьте рассказам жителей долины, что женщины горцев ничем не отличаются от мужчин и такие же широкоплечие и бородатые – это чушь. Во-первых, даже не каждый горец мужчина носит бороду – быть бородатым рудокопом неудобно, про бородатых кузнецов стоящих целыми днями у раскалённого горна я вообще молчу. Во-вторых, у горцев самые красивые девушки из мною виденных, а уж разных дев через перевал я переводил достаточно. Среди них даже были жители леса, ну эти, остроухие, как их... Неважно. Я не говорю, что все женщины гор без исключения прекрасны, но красавиц среди них предостаточно.

Так вот, оазисов мало, можно пересчитать по пальцам одной руки. В них силами проводников построены небольшие каменные домики-шалаша. Каждый раз идя через такое место я приношу с собой немного угля, воды и еды, даже если не собираюсь там останавливаться. Каждый проводник делает тоже самое. Да и караванщики, не впервые идущие через перевал, часто следуют этому неписанному правилу. Это наш общий неприкосновенный запас не один раз спасавший жизни.

Но сейчас я взял с собой лишь кисет с табаком. Оазис к которому я веду клиента особенный – там живут горцы. Это целая малюсенькая деревня в три домика. Оплот старых обычаев – горный пост. Дорога ведущая сюда узкая и местами довольно крутая, караванщиков не переправить, только одиночек вроде Бадли. Зато это самый кроткий и прямой путь через горы, если поторопится можно успеть за три дня вместо стандартной недели на других тропах.

Жители поста называют себя дворфами, были когда-то такие воины подчиняющиеся своему командиру – амадзину. До того как Квеизакотл разрушил столицу это были лучшие воины Сталагора – боевая элита подгорного королевства. Амаdziнов было несколько и у каждого своё оружие – какой-нибудь великий артефакт наделённый магической силой. Теперь бабушка рассказывает мне эти истории как сказки на ночь. Может семьдесят лет назад это и было правдой, но сейчас больше похоже на байки. Я уже и забыл половину, давненько она меня спать не укладывала, лет десять уже.

– Эх, детство, детство. – Вздохнул я.

– Что? – Клиент завертел головой, думая что я что-то углядел в округе.

– Так, ничего, мысли в слух. Послушай Бадли, к вечеру мы войдём в деревню где живут настоящие горцы. – Я сделал ударение на слове «настоящие». – Учить тебя с ними общаться времени нет, поэтому будешь усиленно корчить из себя глухонемого. На все вопросы и предложения отвечать только: бэ и мэ. Иначе подбитым глазом дело не ограничится. Согласен или будем в снегу спать?

– Ты проводник – тебе решать.

Вот за это я и люблю водить военных или бывших военных, сказал – они делают. Ни глупых споров, ни лишних вопросов.

Удачно мы идём – ветер в спину, тумана нет, снег давно не падал, а тот что лежал, уже сдуло обнажив камень. Трещины и проломы видны издали, по крайней мере, мне видны. Бадли бы уже раз десять провалился, если бы я постоянно не указывал ему куда смотреть.

К посту пришли засветло. Ограды или частокола у поста нет, зачем если его, словно стена, окружают горы. Я коротко кивнул стражнику у прохода. Со стороны он смотрелся мохнатым чудовищем. Накидка сшитая из множества хвостов пушистика, напрочь закрывает фигуру часового. Эдакий ком увешанный полосками шерсти. (Пушистик – маленький горный зверёк, хвост у него почти в три раза длиннее тела. Грызун укутывается в непогоду своим хвостом.)

Из-за такого одеяния горцев и считают «квадратными», что в ширь, что в рост. Женщины носят ту же одежду, отсюда и недоразумения насчёт одинаковости полов. Зато в такой накидке можно смело спать прямо на камнях. Цвет серый с белым, даже если горец стоит в полный рост его не отличить от валуна пока не наступишь на ногу – идеальная маскировка в горах. Кстати, эта шерсть не намокает, влага скатывается с неё мелкими каплями.

Пост – двухэтажное главное здание вырубленное прямо в скале, два каменных домика по бокам, кузница в пещере (я её уже упоминал, именно её горн способен плавить мирфил), да площадь. Ну, площадь звучит слишком громко, свободное пространство перед главным зданием, метров тридцать в поперечине. Посреди площади алтарь – деревянный стояк для единственного торчащего в нём копья. Это реликвия ради которой, собственно, горцы тут и живут.

Последнее оставшееся оружие кого-то из амадинов. Оно, естественно, утратило силу иначе потомки Квеизакотла давно бы его реквизировали. Сомневаюсь, что оно вообще настоящее, но выглядит красиво. Длинное гладкое древко, витой золотой наконечник в форме листа. Рубины вплавленные в золото. На параде с таким копьем шагать, никак не в бою.

По площади бродит Хларт, худенький дедок с постоянной полуулыбкой на морщинистом лице. Он, как и копье-реликвия, достопримечательность этого места. Полубезумный мудрец дворфов. Мне иногда кажется, что Хларт не ест, не спит и не отдыхает. Когда бы я не появился он всегда стоит в центре поста и всматривается вдаль или ходит кругами по площади.

Я слегка склонил голову и передал деду кисет с табаком. Тот принял подарок, открыл кисет, принялся смешно сморщившись и благосклонно кивнул.

– Как Алада? – Голос у Хларта низкий и хриплый.

– Так же.

– Дед?

– Живой.

– Ну и славно. – Хларт шагнул ближе опираясь на посох замотанный грязным тряпьем, положил руку мне на плечо. – Сам как?

– Хожу. Вожу. – Развёл я руками. – Вот решил проведать дядьку.

– Проведать он решил. Если бы не очередной клиент. – Хларт кивнул в сторону Брадли. – Так бы и забыл старика.

– Не без того. – Пожал я плечами, нагло глядя ему в глаза.

– Стервец. – Засмеялся Хларт. – Ладно, располагайтесь пока, позже побеседуем.

Так, или почти так, мы приветствуем друг друга постоянно, дядька ненавидит когда перед ним лебезят или теряются. Дворфы ценят честность и смелость, ну и ещё наглость, но только в меру, а говорят коротко и по делу, без долгих расшаркиваний. Я отвёл Брадли в сторонку и зашептал ему на ухо.

– Гостевых комнат тут нет. Спать будем в общей зале. Зато тепло и может даже накормят. Не забывай помалкивать.

– Помню: бэ, мэ. А можно эту их реликвию поближе рассмотреть. Много слышал, но никогда не видел.

Я мельком глянул на двух, несущих почётный караул у золотого копья, горцев. Бланта среди них нет, тот бы непременно ссору затеял если близко кто сунется, а эти парни спокойные и возражать не станут. В конце концов они тут и стоят чтобы реликвию путникам показывать. От неё толку то, посмотреть, да повспоминать былое.

– Можно, но близко подходить, а тем более трогать, не стоит.

– Я ещё в своём уме. – Округлил глаза Брадли и почесал синяк на скуле. – Быстро гляну и всё, будет что друзьям рассказать.

И зашагал к оружейной стойке что-то весело насвистывая, подойдя вплотную, по мне так уже через-чур близко, закивал головой и присвистнул громко – восхищаясь. Надо будет объяснить ему что свист в горах не приветствуется и от меньшего шума иногда лавины сходят, а то ещё накличет где-нибудь на переходе.

Сделав себе заметку на будущее я направился к главному зданию погреться и поприветствовать малочисленных знакомых. Надеюсь Блант дрыхнет, а то опять начнёт подкалывать, а после обижаться на пустом месте когда я отвечаю на глупые шутки адекватно.

Делая пятый шаг слышу сбоку крики и ругань. Неужели Бадли, всё-таки, полез трогать реликвию руками? Предупреждал же...

Рядом со стойкой лежат двое дворфов у одного в плече торчит сабля. Сабля? А мой идиот-клиент быстренько подхватывает золотое копьё и начинает бежать в сторону снежного поля за крайним домиком. Совсем мозгов нет? Да его же через пять минут догонят, если сам в скрытую трещину не провалится. Догонят и... Впрочем, я ему уже ничем помочь не смогу, да и не буду я этому кретину помогать. Даже, пожалуй, сам догоню и прирежу. Он же одного из караульных ранил или может даже убил, а ведь это я этого «гостя» сюда привёл. Однозначно будет лучше, если я его и похороню, что бы потом ко мне меньше претензий.

Я рванул наперерез убегающему. На ходу вытащил короткий изогнутый меч, можно даже сказать длинный кривой нож. Единственный в своём роде клинок, кстати. В нём есть примесь мирфила, сам ковал, острый как бритва, собственно, им то я обычно и бреюсь. Поскольку использовать мирфил для оружия простолудинов запрещено, видели этот клинок только особо доверенные лица, ну или те кто скоро обретёт моё полное доверие по причине своей скоропостижной кончины.

Баланс у меча плавающий, благодаря ртути внутри полого лезвия (Хларт научил делать), идеальный для метания. Не мудрствуя, я размахнулся чтобы метнуть клинок в спину убегающему Бадли. Что-то здоровое и серое мелькнуло рядом и сильно ударило меня в бок. Кубарем прокатившись несколько метров я наконец смог затормозить падение и вскочить. Нож улетел в снег.

За Бадли гигантскими прыжками мчался мохнатый волк размером с годовалого бычка. Эта туша даже не заметила, что сбила меня. Откуда тут волк, да ещё такой здоровый? Дворфы разводят? От удивления я даже не стал продолжать погоню. Зверь, тем временем, поравнялся с удирающим клиентом. Тот прыгнул, ухватился за загривок серого монстра и оседлал его.

Волк ускорился, легко оторвавшись от дворфов, что гнались следом, выскочил на снежное поле и стал стремительно удаляться. Что за чепуха происходит?

Я растерянно глянул на Хларта. Дед осуждающе покачал головой и стукнув посохом о камни указал на удирающего Бадли.

– Убить! – От удара часть лохмотьев с посоха слетела обнажив острый копьевидный наконечник слабо вспыхнувший синим или показалось что вспыхнувший.

Стоящие вокруг дворфы засуетились, хватая из декоративной стойки палки. Две такие стойки были рядом с реликвией создавая антураж оружейного склада. Обычные палки грубо изображающие набор копий.

Как они его убивать собрались? Палками!? Или на палках догонять поскачут? Мозг отказывался выдавать подходящие к происходящему идеи. Я совсем растерялся просто наблюдая за происходящим.

Тут глаза сыграли со мной шутку, мне показалось, что когда очередной горец берёт в руки палку она чуть видно вспыхивает синим и вытягивается. Сморгнув попавший во время падения на ресницы снег я уставился на дворфов. Парни впятером выстроились в линию и занесли руки для броска. Они собрались метать? Брови сами поползли вверх.

На вскидку оцениваю расстояние до волка и его всадника – шагов восемьсот и быстро увеличивается. Да ну, тут и настоящее копьё уже никто не докинёт, не то что...

Горцы синхронно выбросили руки вперёд. Снаряды взвились в небо, но почему-то не упали через шестьдесят шагов, как я предполагал, а продолжали набирать высоту и даже ускорились. Тут я уже потёр глаза руками, видать моргание не помогло.

Ровно через пять ударов сердца все копыя достигли цели насквозь проткнув зверя с наездником. Похититель даже не упал, оставшись висеть на древках как пришпиленная булавкой бабочка. Тут до меня стало доходить произошедшее, а бабушка Алада то, рассказывала мне на ночь совсем не сказки.

Хларт невозмутимо накручивал разорванное тряпье на свой посох. Теперь понимаю, что не посох, а древнее оружие дворфов. Кем является Хларт тоже догадываюсь. Я вздохнул и направился к нему. Поклонился, чуть ниже обычного кивка, выражая уважение и раскаяние.

– Прости достойный амадзин, что я привёл к тебе этого вора, он казался нормальным парнем.

– Волкогон? Нормальным? Что совсем никаких странностей?

– Странности были. – Честно признал я. – Даже вести его не хотелось, но...

– Ладно. – Отмахнулся Хларт, закончив наматывать тряпки. – Он бы всё равно пришел. Лучше уж ты, чем кто-то другой. По крайней мере произошедшее останется в кругу семьи. Да?

– А? Да, да конечно амадзин.

– Небось раньше думал бабка байки тебе травит?

– Ну...

– Думал, думал. – Усмехнулся старик. – Но ты меня так не называй, привыкнешь ещё, вылетит некстати. Да, и ещё, реликвию принеси, ты проворонил, тебе и возвращать.

Я вздохнул глянув на проткнутые тела волка и наездника виднеющиеся вдали. Тысяча шагов по снежному полю, а уже вечереет, нужно спешить. Солнце тут скрывается быстро. В темноте, среди трещин под снегом, особо не погуляешь. Схватив щуп и ледоруб я уже было побежал за золотым копьём, но одумался и схватил весь мешок – горы неподготовленности не прощают, даже в малом.

На снегу остались чёткие отпечатки лап, каждый след чуть меньше моего ботинка, ну и громадина. Зато щуп не пригодится, знай себе по следам прыгай. Я сложил его и засунул в мешок.

Быстро волк бежит. На то расстояние, что он преодолел за тридцать секунд, у меня ушло полчаса. Следы далеко друг от друга, у меня так ноги не раздвигаются, пришлось все время прыгать. Запыхался даже пока добрался.

Крови с волкогона натекло не много, замёрзла быстро, перекрыв раны. Крепчает морозец, я пока скакал упарился и не заметил, что температура упала. Палки, торчащие из тела волкогона, на ладонь вонзились в камень. Вот это да! Простые палки прокололи горную породу как бумагу. А ведь настоящий артефакт держал только амадзин. Получается, любой дворф из его отряда взявший в руки обычную деревяшку может кинуть её на тысячу шагов и пробить насквозь рыцаря в доспехах?

Ясно почему Квеизакотл уничтожил Сталагор, держать таких союзников у себя за спиной побоялся. Побоялся предательства и поскорее предал союзников сам, на всякий. Не посмотрел, что слово горца нерушимо как скала, подлец.

Зло сплюнув под ноги, я вытащил из, безвольно повисших, рук волкогона реликвию. Длинное древко, тяжелый наконечник, такое и не метнёшь нормально. Подделка, что с неё взять.

На телах зверя и наездника тонким слоем лежал снег. Опа. Мороз, теперь снег, ещё ветер поднялся и небо заволокло тучами. Плохо. Погода тут меняется очень быстро, а темнеет в таких случаях, вообще, мгновенно. Следы к посту уже начинало помаленьку замечать, нужно поспешить.

Ухватив реликвию наперевес я резво попрыгал обратно. Небо посерело. Плохо заметные отметины на снегу и вовсе стали едва различимы. Ветер резко набрал силу, взметнув в воздух тучи снежинок, видимость уменьшилась. Если следы сейчас заметёт окончательно, придётся ночевать прямо тут. До поста каких-то восемьсот шагов, но при вьюге в горах достаточно и десяти чтобы заблудится. Добавлю ка скорости.

На очередном прыжке снежный наст проломился и я ухнул в скрытую трещину. Копьё намного длиннее узкого провала и сработало как шпагат, но за него нужно было крепко держаться, а я этого не делал, надеясь на следы волкогона. Он же тут пробежал и не провалился, по идее и я не должен был. Руки соскользнули с древка и я чуть не улетел в глубину, благо ледоруб зацепился загнутым краем за реликвию и благо он петлёй прикручен к запястью. Безвольно повиснув на одной руке, пытаюсь придти в себя от резкой боли в растянутых суставах. Вот тебе и понадеялся на чужие следы.

Но ладно, это не первая моя трещина, опыт есть, выберусь. Жаль только темень жуткая, хоть глаз выколи. Нашупал на поясе сумочку, вынул кусок верёвки, с ладонь длинной, пропитанный специальным составом и с хрустом скомкал в кулаке. Фитиль слабо засветился, немного разогнав мрак.

Трещина оказалась узкой, пару шагов всего. Я опёрся ногами в стенки, ухватился рукой с фитилём за древко реликвии, осторожно освободил ледоруб и зацепился им за край трещины. Начал подтягиваться, чтобы выбраться наружу и случайно заметил зеленоватую поверхность камня в разломе. Никак малахит, не было счастья да несчастье помогло. За эту находку рудокопы мне славно заплатят.

В Живых горах нет смысла рыть шахты, движущиеся скалы сами, рано или поздно, выталкивают полезные руды наружу. Нужно только внимательно смотреть, а затем продавать информацию добытчикам. Ребята резво прибегают и выдалбливают всё что легко выдалбливается, трудное оставляя на потом. Все равно ведь не угадаешь когда жила спрячется, поэтому действовать нужно быстро.

Из малахита потом делают поделки, но чаще выплавляют медь. Обычно, нашедшему причитается десятая часть прибыли. Так что это я удачно провалился.

Повиснув на одной руке я расчехлил специальные крюки прикрепленные к куртке. Куртка проводника это вам не простой элемент одежды, а ещё и снаряжение со специальными лямками и ремнями. Пару крюков я зацепил за реликвию (надеюсь Хларт простит такое её неблагоприятное использование), ещё пару вбил ледорубом в стены и почувствовав себя более-менее в безопасности опустил ниже осмотреть находку.

Иногда в малахите попадаются самородки меди, такую штуку лучше выдолбить самому, пригодится. Кузнец я или кто? Почти сразу заметил металлический блеск в матовой зелени малахита. Вот везение, видимо удача извиняется за падение в трещину, только глянул и сразу нате вам. Жаль только в неверном свете фитиля самородок хорошо не разглядеть, но и того что видно вполне достаточно, чтобы понять что это именно самородок.

Осторожно высвободив ледоруб (он же молоток, камнеруб, а иногда, чего греха таить, и черепок) я знатно саданул по самородку, стремясь попасть в стык между ним и малахитом. Раздался звон, полетели искры. Медь металл мягкий, какие, к глубинам, могут быть искры? Я повнимательнее оглядел находку, а цвет то не медный, хотя в слабом свете фитиля толком и не поймёшь. Ну и ладно, потом разгляжу. Ещё несколько ударов и у меня получилось отковырять самородок, он был впаян в руду едва ли на четверть и отделился довольно легко. Закинув руки за голову я отправил похожую на обломок корня добычу в мешок.

Отвязал забитые в стены крюки, нужно будет не забыть привязать к куртке новые взамен и стал потихоньку выбираться наружу. На улице в конец стемнело, ветер гонит крупные снежные хлопья. Нечего и думать добраться до поста в такой ситуации. Правильно меня дед воспитал, вот не взял бы я с собой мешок с палаткой и плащом так и замёрз бы тут. Теперь же осталось только расположиться поудобнее и переждать ночь.

Единственное неудобство рука продолжает ныть, но терпимо, а завтра Хларт посмотрит и вправит, если это понадобится. Установил палатку, подsunул мешок под голову и почти мгновенно уснул. Снилось какая-то муть, будто у меня вместо крови по жилам холодный металл течёт, да ещё реально так, что несколько раз за ночь я просыпался в поту и ощупывал себя. Может замерзаю? Так, вроде, нет. Палатка и плащ на меху сохраняют тепло, я даже не продрог. Это наверное из-за находки нервы шалят. Достал из мешка маленькую флягу с ягодной наливкой, приложился, полегчало. До утра уже не просыпался, но сон снился всё тот же.

Утром погода устаканилась, ветер стих, на небе ни облачка. Взошедшее солнце разлилось яркими, ослепляющими лучами по снежному полю. Невозможно смотреть не щурясь. Одел очки с тёмными стёклами, бабушка как-то рассказывала, что до того как их придумали, некоторые путешественники слепли от яркого света.

Волкогон теперь выглядел снежной статуей, если бы я не знал куда смотреть так и вовсе бы не заметил, что там что-то есть. До поста осталось шагов шестьсот. Хларт, наверное переживает, пойду поскорее. Он, конечно, этого никогда не покажет, но за своих дядька всегда очень волнуется.

До поста добирался целый час. Волчьи следы замело, но даже если бы не замело, вставать на них не проверив щупом я уже никогда не рискну. Одного раза достаточно.

Хларт нервно маневрировал по площади, а увидев меня чуть не кинулся навстречу, но вовремя опомнился и принял обычный невозмутимый вид. Дворф до мозга костей, не удивлюсь если ещё и отругает за задержку.

Я коротко кивнул дядьке, дошел до стоек и почтительно установил реликвию на полагающееся ей место.

– Как прошло? – Безразличным тоном осведомился старый амадзин.

– Спокойно.

– Что долго то так? Заблудился? – Ох уж эти дворфские этикетки.

– Жилу малахитовую рассматривал. – Как можно более безразлично выдал я.

– Так ты и с наваром? – Хларт стукнул меня по плечу, высшая похвала с его стороны, но сразу же хмуро добавил. – Это через пару дней твои дружки с кирками набегут. Сразу их предупреди, никаких ослов на моём посту, нагадят тут.

Примерный перевод этой фразы значил, что добытчикам можно будет останавливаться на посту на ночь и хранить руду, которую они добудут, тут же. За раз всю добычу на горбу не перетащишь, а никакая животи́на с копытами сюда в любом случае не доберётся и дед это прекрасно знает.

Любой выросший где-нибудь в редколесье человек после такой отповеди подумает, что ему тут не рады, а ведь на самом деле это чуть-ли не радушное приглашение в гости. Вот так и живём.

– Передам, но у меня ещё сюрприз. – На радостях я даже решил подарить дядьке медный самородок, он тоже любит молотом постучать, а за разрешение ночевать на посту я с добытчиков все пятнадцать процентов доли вытребую, что там кусок меди. – Вот.

Вынул из мешка железяку и замер. Застывший кусок серой ртути, только ребёнок не узнает блеск переплавленного мирфила.

– Ух ты ё...

– Спрячь. – Прошипел Хларт озираясь по сторонам. – Иди за мной.

Я ступал вслед за дядькой находясь в недоумении. Цвет вкраплений мирфила, что находят в некоторых жилах – тёмно-серый матовый. Блеск металл приобретает только после плавки и плавить его можно только один раз. Если мирфил застыл перековать его невозможно, его даже точат пока он ещё раскалён до бела, иначе никак.

Мой самородок уже блестит, значит толку с него не будет, разве только для красоты на полку поставить. Зачем же эта напускная секретность?

Хларт завёл меня в пещерную кузню, закрыл брезентовую штору на входе, она тут вместо двери. Выглянул через проплавленную в брезенте дыру, нет ли кого поблизости и указал на наковальню.

– Клади.

Находка легонько зазвенела оказавшись на стальной наковальне. Хларт несколько раз обошел её по кругу внимательно присматриваясь. Я тем временем исследовал горн. В пещерной кузне он особенный. Тягу тут создают не только четыре мощных меха вокруг, но и система колодцев пробитых в скалах. Открывая и закрывая заслонки можно регулировать силу тяги, а значит и температуру в горне.

Сама топка, вообще, произведение искусства. Она спроектирована таким образом, что всё тепло концентрируется на заготовке. Это самый жаркий горн королевства. Тут даже решетка, на которую уголь кладут, из мирфила. Другие быстро перегорали, иногда даже изделие не удавалось довести до ума. После того как мастера запороли несколько заготовок, корона милостиво потратилась на мирфил.

Ковались тут исключительно клинки для родственников королевской семьи. В Квезе только они являются дворянами и имеют пожизненное денежное обеспечение, остальные просто граждане. Дворяне у нас рождены для развлечений и войны, остальная масса народу для работы. Даже баронов управляющих наделами из граждан назначают. Голубая кровь руки о бухгалтерские талмуды марать не желает.

Амадзин постучал по самородку маленьким молотом.

– Давно нашел?

– Вместе с малахитом. – Пожал я плечами.

– Времени сколько прошло?

– Ну, ночь и часть дня.

– Спал рядом?

– Да. – Спятил он что-ли, где бы я ещё спал?

– Странного ничего не снилось?

– Эмм... – Я с растеряно глянул на дядьку, но на лице у меня, видимо и так всё было написано.

– Ясно. – Хларт тяжело вздохнул. – У меня для тебя две новости. Первая: ты больший горец, чем некоторые из моих дворфов. Вторая, печальная: Если не перекуёшь его в течении трёх дней, умрёшь.

– А разве остывший мирфил куётся?

– Вот! – Ткнул в меня пальцем дядька закатив глаза. – Потому то ты и мой любимый племянник. Известие о скорой смерти тебя не впечатлило, а вот возможность ковать плавленный мирфил сразу заинтересовала. Весь в деда с бабой.

– Э...

– Да не помрёшь ты, шучу. – Отмахнулся Хларт усмехнувшись. – Но с Аладой переговорить надо. Прячь свою находку, поведёшь меня.

– Ты собрался спуститься в Горнар? – Выпучил я глаза.

– А, что такого или ты думаешь я на посту родился?

Глава 2

В Горнар добрались к вечеру, только темнеть стало. Вечером, закончив работы в плавильнях и кузнях, народ обычно выходит на улицы подышать свежим воздухом. Днём то из-за дыма, особо не подышишь.

Прохожие удостаивали меня и амадзина обычным приветствием как равного. Всё как обычно, но в глаза бросилась одна странность. Старшие горцы, те кому за сотню лет перева-лило, встретившись взглядом с Хлартом склоняли головы ниже обычного. Некоторые даже прикладывали правый кулак к груди. Это выходит, что они все знают кто он на самом деле? Ну да, все кто старше семидесяти родились ещё в столице и вполне могли знать амадзинов в лицо.

– О! Тан! – Вылетел из переулка Мерик, чуть не впечатавшись плечом в Хларта. – На танцы идёшь?

– Не сегодня.

– А это, что за старый хрыч? – Покосился приятель на амадзина, при этом, как и подо-бает, кивнув как равному.

– Хларт, мой дядька, с поста.

– Оу. – Мерик кивнул ещё раз более учтиво, дворфов он, как и все проводники уважал, но извиняться за «хрыча» всё равно не стал. – Если освободишься приходи, разговор есть.

И резво скрылся в следующем переулке. Хларт проводил его недовольным взглядом и усмехнулся.

– Ничего не меняется.

Мы свернули к моему дому. Бабушка сидела на лавке у крыльца, а дед расхаживал по двору разминая широкие плечи. Оба одновременно заметили нас, переглянулись, кив-нули Хларту, улыбнулись мне и не сговариваясь зашли внутрь. Мы с дядькой последовали за ними.

Алада стелила на стол скатерть. Небывалый случай, я даже не знал, что она у нас есть. Дед напряженно стоял посреди комнаты вытянувшись во весь рост, отчего почти задевал головой потолок.

Хларт молча скинул плащ и двинулся к столу, посох он по прежнему держал в руках не выпуская ни на минуту. Забавно было смотреть как он снимает куртку перекидывая свой артефакт из руки в руку. Заговорил он первым.

– Приятно вас снова видеть.

– И тебе не болеть. – Отозвался дед.

– Присаживайся. – Алада дождалась пока гость займёт предложенное место и только потом села сама. – Что случилось?

– Показывай. – Махнул мне рукой Хларт.

– Я недолго думая вывалил самородок на столешницу. Дед кашлянул покачив головой.

– Я против. – Алада серьёзно глянула на амадзина. – Категорически.

– Согласен с тобой. – Закивал Хларт. – Но решать не нам.

– Может прекратите балаган? – Влез я, надоело это непонятное действо.

Хларт с бабушкой переглянулись, она протянула к амадзину ладони пожав плечами, мол ты припёрся тебе и рассказывать. Я демонстративно устоял на, громко выдохнув-шего, дядьку. Пока мы шли через горы он на отрез оказывался отвечать на вопросы, пояснив, что всему своё время. Так вот, по моим прикидкам время настало.

– Это не просто самородок это сама Слеза Живых гор, время от времени, являющаяся самым достойным. Перековать эту железяку можно и получится из неё не очередная забава для королевских отпрысков, а что-то наподобие этого.

Хларт сдёрнул старые тряпки и положил на стол копьё. Ну, собственно, не совсем, коротковато для копья, чуть больше полутора метров. На самом деле это дротик для метания. Граням мирфилового наконечника придан слегка винтовой ход, это заставит снаряд кружиться вокруг своей оси в полёте. Древко тоже было из мирфила, наверное полое внутри, для лёгкости. Руки зачесались требуя немедленно схватить дротик и проверить балансировку. Я даже потянулся к оружию, но вовремя спохватился оглянувшись на Хларта.

– Можно?

– Не стоит. – Скривился старик. – Рано тебе в дворфы, да и бессмысленно. Ты можешь стать амаdziном.

Видя моё замешательство Хларт продолжил.

– Когда я был молод, тоже нашел самородок и выковал вот его: Тать. – Старик усмехнулся ласково погладив древко дротика. – Он всегда приходит в гости незаметно. Любой ребёнок гор прикоснувшись к нему становится моим дворфом. Воином способным вызывать тень этого дротика.

– Великий амаdziн Хлар Тать. – Прошептал я припоминая бабушкины рассказы.

– Было дело. Алада байки травила? Но были и более великие, и более достойные. – Хларт вздохнул уставившись в пол. – И более смертные. Нас было много, в иные времена и до двадцати. У каждого своё, неповторимое и грозное оружие внушавшее врагам ужас. Затем пришел Квеизакотл и наше время кончилось. Ушли амаdziны, дворфы, канул в небытие Сталагор, а вместе с ним и единственная, рождённая из упавшей звезды и способная своим радужным сиянием растопить Слезу, наковальня. Она оказалась погребённой под обломками разрушенной столицы. Не знаю даже уцелела ли. Тебе предоставился редкий шанс племянник, шанс выковать новый артефакт способный превращать горцев в непобедимых дворфов. Лет пятьдесят назад я бы гнал тебя к развалинам Сталагора пинками, возрождал утраченное наследие, но теперь уже слишком поздно.

– В смысле?

– Выгляни на улицу. Кого ты там встретишь? Горстку запуганных ремесленников. Даже если каким-то чудом ты выкуешь новое оружие это ничего не изменит. Два амаdziна и кучка воинов ничто по сравнению с империей созданной Квеизакотлом, а уж если об этом станет известно властям, нас сотрут в порошок в мгновение. Мой тебе совет племянник: забрось эту блестящую железяку куда-нибудь в пропасть и забудь.

– Двадцать лет назад во мне ещё теплилась надежда. – Тихо продолжила Алада. – Когда моей дочери в горах попался самородок я самолично, своим глупым языком, уговорила её отправится в Сталагор.

Тут я присел на стул и замер. Никто из родственников никогда не рассказывал мне о родителях. Эта тема была закрыта. Собственно, даже то, что дед с бабушкой мне именно дед и бабушка, я узнал уже будучи в девятилетнем возрасте. Впрочем, от этого я не перестал считать их своими отцом и матерью. В конце концов родители это те кто родил, а папа с мамой те кто воспитал. Но узнать, что к чему, иногда очень хотелось и вот теперь завеса тайны приоткрывалась без моего вмешательства. У меня даже ладони вспотели.

– Это, конечно, был её выбор, но масла в огонь я подлила достаточно. Прости Оттан, что я, старая дура, не послушала тебя тогда. – Обратилась Алада к деду, тот подошел и обнял её за плечи, бабуля склонилась к нему голову и продолжила говорить. – Твой отец не отпустил Марину в одиночестве, они ушли рука об руку и пропали вместе. Прошло два десятилетия как я лишилась дочери и зятя. Не хочу лишиться ещё и внука. Даже если ты добудешь артефакт он не вернёт к жизни ни твоих родителей, ни народ гор. Мой тебе совет сыночек: закопай эту проклятую вещь и забудь.

– Давно. – Дед приблизился вплотную и уселся напротив, внимательно глядя мне в глаза. – Ещё в прошлой жизни. Я до одури уговаривал своих детей не впутываться во все

эти дворфские штучки, убеждал, доказывал, даже грозил, но они всё равно ушли оставив нам тебя. Все эти годы я смотрел как ты растёшь, взрослеешь, становишься мужчиной и думал почему. Зачем они это сделали? Чего им не хватало? Денег? Власти? И постепенно заметил в тебе их искру, тебе не хватает того же.

Дед положил свои громадные ладони мне на плечи и добавил.

– Загляни в своё сердце и подумай. Хочешь ли ты работать в кузне до конца жизни или пока руки перестанут поднимать молот? Хочешь ли водить караваны через перевал до старости, пока ноги перестанут слушаться? Может хочешь открыть лавку и продавать разную дребедень? А может тебе по нутру, что иное? Свист ледяного ветра в ушах, плечо верного товарища рядом, да острый клинок в руке? Не думай ни о родителях, ни тем более о этих зловредных гномах. – Тут он резко пригнулся и бабушкин подзатыльник пролетел мимо. Дед улыбнулся от уха до уха, легонько (я чуть со стула не улетел) стукнул меня кулаком в грудь и заговорщицки прошептал. – Подумай о себе. Вот тебе мой совет сын: в одиночку не ходи, выпорю.

Честно говоря, совет деда мне сразу запал в душу. Как он начал про кузню, перевал и торговлю, так меня сразу и перекосило от оскотины. Единственное, что тянуло меня в горы всё это время – ощущение опасности и постоянное напряжение в предвкушении неожиданностей. Адреналин. Вот чувствовал же, что не стоит Брайда через горы вести ничем хорошим это не закончится, а всё равно повёл. Такой уж я. Спокойная жизнь мне кажется пресной и скучной.

Старики застыли ожидая моего решения. Аладу, правда, старой назвать язык не поворачивался. Она выглядела лет на тридцать, как и основная масса горских женщин. После тридцати (у горцев это считается совершеннолетием) понять сколько кому лет, практически невозможно. Вот дед – человек и его восемьдесят написаны у него на лице глубокими морщинами, а чистокровному горцу Хларту, судя по таким же морщинам, лет триста. Если сравнивать людские мерки и мерки горцев, то они с дедом ровесники. Резво вскочив, я смахнул в мешок самородок и ногой пнул своё имущество под лавку. Оглядел присутствующих. Не, не дождётесь вы моего решения, не так сразу.

– Спасибо за советы. Пойду, пожалуй, на танцы, Мерик звал. – Поклонился им как можно ниже, пусть знают, что я их уважаю и люблю и выскочил на улицу.

На пороге заметил как Алада так отвешивает деду подзатыльник.

– А что? – Возмутился тот, пожимая плечами. – Всё равно ведь пойдёт. Ты, можно подумать, не пошла бы.

– Иди наливки принеси. – Закатила глаза бабушка и кивнула в сторону Хларта. – Гость не поен, не кормлен.

Ночь встретила меня прохладой, приятно освежил морозный воздух ворвавшийся в лёгкие. За домами слышалась весёлая мелодия. Вот каким таким образом, Тарб умудряется из такой унылой штуки как волынка, извлекать такие задорные мотивы? Талантище.

Танцы – это у нас такой каменно-деревянный квадратный, не то сарай, не то барак. Молодёжь построила на отшибе, своими силами и из подручных материалов. Строили неумело, вкривь и вкось, но зато для себя. Часть стен из кривых брёвен, часть из кое-как выложенных камней. Крыша, вообще, непонятно из чего и непонятно как держится. Посреди барака кострище, многие приносили с собой дрова или уголь и разводили огонь для обогрева и освещения. В углу, обычно, усаживался кто-то умеющий играть на каком-нибудь инструменте и музицировал. Остальные либо танцевали, либо били музыканта, если он плохо играет, часто мнения разделялись и начинался спор плавно переходящий в кулачный бой – веселились в общем.

На моей памяти Тарба не трогали ни разу. Даже если он умудрялся сфальшивить, то так менял звучание мелодии, что казалось будто так и было задумано. Да и бить его, если видел хоть одну потасовку с его участием, боязно.

Если музыкант играл хорошо, но на танцах оказывалось пару бутылок ягодной наливки, а оказывалось постоянно, то к концу мероприятия, всё равно, возникала драка. Девчонки участвовали в ней наравне с парнями, синяки и ссадины у нас редкость, я даже не знаю как нужно стукнуть горца чтобы у него синяк появился. Использование же подручных средств запрещалось, только кулаки, на того кто хватал камень или палку сразу наваливались скопом.

Бились на танцах все и со всеми, иногда делились на команды, но если команда побеждала разборки частенько продолжались уже среди её членов. Куча мала, короче. После побоища над павшими товарищами, обычно, возвышалось две-три покачивающиеся фигуры – пьяные победители. Они начинали подымать пострадавших и приводить их в чувства, а потом все наобнимавшись и насмеявшись расходились по домам. Вот и вся радость современной молодёжи.

Тарб всегда оказывался в числе победителей. Силища в нём невероятная и это при маленьком, даже по меркам горцев, росте. Мне он едва достаёт до груди, но когда однажды мы завязались с ним толкаться, я обнаружил, что толкать Тарба то же самое, что биться о каменную стену – бессмысленный процесс. Он ещё и обоими руками пользуется с одинаковой сноровкой. Что в правой меч – левой щит, что наоборот, а то и в обе руки по щиту.

О! Это, вообще, отдельная история. Перехватили мы как-то отряд снежников. Иногда из-за горной гряды покрытой вечными снегами приходят воинственные недомерки желающие грабить и убивать. Худые, низкорослые и серокожие создания отдалённо напоминающие человека и кое-как закутанные в шкуры. Кровожадные и воинственные, но жутко трусливые. Раньше то они через Сталагор не могли пробиться, а как столица пала, так и повадились пробираться через Живые горы к городу.

Вернее, к городу они так ни разу за мою жизнь и не дошли. Кто-то из проводников обязательно обнаруживал их заранее. Горы это вам не степь, там где я смогу целый караван за день провести, снежники целую неделю кругами бродят, пути ищут. За это время я успею домой сбегать, народ собрать и назад вернуться.

Помню как тогда я первый раз обнаружил отряд снежников, всю ночь в Горнар бежал, запыхался. Залетаю в кузню к деду, с выпученными глазами взахлёб рассказываю о неприятеле, трясусь. Он только бровью повёл и не отрываясь от наковальни спокойно говорит:

– Сын, это что, МНЕ с разной шелупонью разбираться? Позови пару товарищей понадёжней и порешайте вопрос.

– Так их же двадцать!

– Да хоть сорок – это же снежники. – Сказал как сплюнул Оттан. – Иди давай, не мешай деду.

И отмахнулся так, мол не царское это дело, глупостями заниматься. Было мне тогда лет четырнадцать вроде. Позвал я с собой Мерику и Тарба – на тот момент ближайших товарищей.

К обеду следующего дня нашли мы отряд снежников. Напали. В первые секунды с непривычки страшновато было, но неприятель возможности горцев знал не понаслышке и быстро обратился в бегство. Шли значит убивать и грабить, а встретили трёх юнцов по дороге и сразу бежать – вот в чём смысл такого похода, где логика? Барсы горные и те умнее, могут в одиночку на караван напасть, но унюхав коренного жителя сразу прячутся. А эти? Дернуло их загнать себя в тупик – впереди и вокруг скала стеной, а сзади мы трое напираем. Вот только подход к врагам оказался узким, едва кто-то один протиснется.

Сработало правило загнанного в угол пса. Недомерки копьями ощерились в одиночку к ним не сунешься – заключают, а вместе не протиснуться. Пат. Стоим друг на друга через проход зыркаем.

– Дай щит Тан. – Протянул руку Тарб.

– Зачем тебе два?

– Покажу.

Тарб взял в каждую руку по круглому щиту, закрывающему бойца от пояса до плеча, разбежался, присел и кувыркнувшись проскользнул к снежникам. Его мгновенно окружили засыпав градом ударов. Образовалась свалка. Особо настойчивые с разбегу пытались запрыгнуть Тарбу на спину, но тот держался на ногах, иногда приседая, иногда чуть смещаясь в торону и быстро менял положение и наклон щитов, толкался ими, крутил.

Когда основная масса снежников отвлеклась, мы с Мериком по очереди проскочили в проход и устроили в тупике кровопролитную сечу. Поскольку свой щит я отдал Тарбу, взял в левую руку ледоруб, на всякий случай, после этого я его и стал иногда называть череполом.

Когда с врагами было покончено, переглянулись. Мы с Мериком – тяжело дышащие, потные, забрызганные кровью, в порезах и ссадинах, с прогнутыми в некоторых местах наплечниками и наручами. Тарб – держащий два измочаленных в хлам щита. На тяжёлом латном доспехе ни единой царапины.

– Вы чего, в первый раз что-ли?

– Ага. – Потупился я.

– Предупреждать надо. – Тарб невозмутимо бросил разбитые щиты в кучу. – Собираем всё железное и ходу назад, а то скоро темнеть начнёт.

По возвращении Алада окинула меня скептическим взглядом.

– Мойся, переоденься, зайди в кухню ссадины обработаю. – Это одновременно были и ругань за содеянное, и выражение материнской заботы, и гордость за взросление.

С тех пор Тарб, Мерик и я стали закадычными друзьями, в смысле, на танцах начинали драться между собой только если оказывались последними «выжившими». Да и то, Тарб, как старший, всегда чуть-чуть поддавался.

А ещё я понял, что со щитом возится не моё. Горец я только на четверть и сил у меня меньше чем у товарищей. Зато я проворнее, мне легче увернуться чем удар держать. Теперь пользуюсь коротким и лёгким мечом выкованным так, что его и метнуть можно при случае, а от щита я и вовсе отказался, с ледорубом в левой руке бьюсь.

Звуки волынки стихли. Послышалось бульканье выливающейся из бутылки ягодной наливки. Я переступил порог барака и сразу наткнулся на Мерика.

– Явился. – Ухватил он меня за куртку. – Давай на улицу, разговор есть.

А сам направился вглубь барака. Я развернулся и опять переступил через порог, только теперь в обратном направлении. Сходил, называется, на танцы. Через минуту появились Тарб и тащивший его за рукав Мерик. Зацепили меня и уволокли за угол. В бараке кто-то неумело заиграл на волынке, Тарб угрожающе дёрнулся порываясь вернуться.

– Стой! – Ухватил его за плечо Мерик. – Ну его, а то сейчас завяжется надолго, давай после.

Тарб уныло вздохнул, но остановился скорчив угрюмую рожу, как же, от любимой забавы оторвали, изверги. Останется теперь бедолага тронувший чужую волынку без отбитой почки и вывихнутой руки – непорядок, как ни крути.

– То, что я вам сейчас расскажу, секретно. – Заговорщицки начал Мерик. – Тан, помнишь месяца три назад у поста поле образовалось? Его ещё потом снегом замело немного, ну ровное такое как лысина тролля?

С чего бы? Это же не я там, только вчера, у трупа из рук реликвию выковыривал и битый час в трещине провисел. В слух я, конечно, ограничился коротким:

– Ну.

– А откуда оно взялось, помнишь?

– Вылезло из громадной пропасти.

– Правильно. До меня дошли достоверные слухи, что поле покрылось длинными глубокими трещинами. – Достоверные слухи до него дошли, как СЛУХИ могут быть достоверными интересно? Но информация верная это я уже на собственной шкуре проверил. – Понимаете, что это значит?

– Что? – Через губу выдавил Тарб недовольно косясь в сторону входа в барак, издевательство над волынкой всё ещё продолжалось.

– Вот удивляюсь я тебе друг Тарб. – Всплеснул руками Мерик. – Ты добытчик, отец у тебя добытчик, дед вообще, в Сталагоре был главой гильдии добытчиков, а ты не понимаешь простейших вещей.

Тарб упёр руки в бока и развернулся к Мерику, сейчас начнётся... Нужно срочно отвлекать, а то разговор до утра затянется.

– Значит. – Похлопал я по плечам обоих друзей. – Поле поднялось из глубинных пород и есть большая вероятность найти в появившихся трещинах руды.

– Правильно! Спешить надо, пока другие не прознали.

– А знаете в чём разница между добытчиком и проводником? – Не в тему выдал Тарб. – В том, что я за час вырублю больше породы чем вы оба за день.

Началоооось. Ох уж эти вредные гномы, брррр, пардон, горцы. Могут на пустом месте спорить столько, что жилу уже и найдут, и разработают, и засыпят другие горцы, а эти двое всё ещё будут тут стоять и друг другу в грудь пальцами тыкать. И это ещё лучшие друзья, в другом случае уже бы драка завязалась. Хотя, это как раз и плохо, что друзья – драка занимает от силы десять минут, после чего спорщики отряхиваются и за тридцать секунд решают все дела полюбовно, а спор друзей это надолго.

Тут меня осенило, я же забыл пометить найденную жилу. В таких случаях возле находки устанавливается красный флажок на длинной ножке. Пишешь на флажке своё имя и никто и пальцем ничего не тронет, даже если сам ты добывать руду не будешь, а забросишь за ненадобностью. К частной собственности у горцев отношение серьёзное и уважительное. В Горнаре и замков то ни у кого нет, тут их исключительно людям на заказ делают.

Меня так самородок обрадовал, что про флажок я начисто забыл, а когда самородок ещё и не медным оказался, то и жила из головы вылетела.

Парни, между тем, перешли на повышенные тона. Началось перечисление физических недостатков друг друга. Теперь их уже не остановить, если вмешаюсь сразу припомнят, что я горец только на четверть и моё дело помалкивать когда старшие разговаривают, разве что...

– А если я жилу забыл пометить, но в трещине возле неё мои крюки вбиты? – На лицах спорщиков резко вспыхнуло задумчивое выражение, ни что так не отвлекает горцев от спора как мысли о возможных прибылях или убытках.

– Крюки личные? С клеймом? – По деловому поинтересовался Тарб.

– Какая жила? В какой трещине? А ты же вроде клиента повёл. А ты по какой тропе его водил? А почему так быстро вернулся? Ты что потерял клиента?

– С клеймом. – Еле удалось втиснуть слово между вопросами Мерики.

– Тогда проблем нет. – Отмахнулся Тарб. – Если кто жилу найдёт можешь смело права заявлять – отдадут, но только то, что уже добыли возвращать не будут.

– Можно оплатить услуги добычи. – Задумчиво добавил Мерик. – Тогда добытое твоё.

– Ты ещё сторгуйся задним числом – цену заломят. – Возразил Тарб.

– Надо со старейшиной посоветоваться.

– Не нужно ни с кем советоваться. – Покачал я головой. – Мы же всё равно туда собрались. Думаю, никто ещё там ничего не нашел. Все проводники в Нарагор с караванами ушли это дней шесть-семь, добытчики там вообще не ходят, так что всё наше. А конкретно эту жилу жертвую в общую копилку нашей будущей компании – будем считать, что одну уже нашли.

– Лунное серебро? – С надеждой спросил Мерик.

– Ага и мирфиловые россыпи. – Передразнил я. – Обычный малахит.

– Пропасть глубокая была, ну из которой поле вылезло. – Мерик прикусил ноготь на мизинце. – Большая вероятность, что серебро найдём.

Мы с Тарбом посмотрели на друга с сочувствием. Он с детства разбогатеть мечтал. Все его предки купцами были, да после войны обнищали. Квеизакотл без раздумий вывез всё до чего смог дотянуться, а до чего не смог, то было безвозвратно погребено под развалинами Сталагора.

Мерику не хватало малости – стартового капитала. Он был совершенно уверен, что если тот появится, всё остальное – дело техники. В принципе, зная Мерику с детства, любой бы не сомневался, что купец из него получится отличный. Ни разу, не покидавший пределы гор парень, свободно ориентировался в ценах прилегающих долин, черпая информацию исключительно из обрывков разговоров караванщиков. Торговаться с ним, вообще, никто не брался предпочитая сразу отдавать товар по самой низкой цене. Торговаться с Мерикум приблизительно то же самое, что толкаться с Тарбом, только в конце окажется, что ты ещё и должен.

Не смотря на изобилие в Живых горах разнообразной руды, умения мастеров и кузнецов, богачей у нас не водится. Добыча любых полезных ископаемых на землях королевства ведётся исключительно в пользу короны. Корона же и определяет цену по которой принимается руда. Более того, оплачивается только двадцать процентов добытого, остальное считается оплатой разрешения на добычу.

У кузнецов дела не лучше. Из мирфила ковать запрещено вовсе, лунное серебро – только для королевских заказов типа обеспечения гвардии, для себя ковать слишком дорого. Из остального, пожалуйста, куйте сколько угодно, НО лучшие мастера постоянно заняты заказами короны и платят за них (если платят вообще) гроши. Можно отказаться, но тогда плавильням (по-тихому конечно) запретят продавать тебе металл. Вроде как и свобода выбора и поделаться ничего нельзя. В общем, прижал Квеизакотл горцев к ногтю по самое: «не балуйся», только и хватает, что на еду да одежду.

За простые ископаемые – малахит, например, платят мало. Лучше его сразу добытчикам продать за часть доли. Сырой мирфил принимается короной безвозмездно. Определить цену невозможно, поскольку он, по сути, бесценен, поэтому (как бы смешно это не звучало) забирают его даром. Лунное серебро единственная руда на которой можно хорошо заработать. Обычная цена в долинах, один к одному с золотом, нам же перепадёт только двадцать процентов, но это тоже неплохо. Осталось только найти и добыть – чепуха в общем.

Вот Мерик и бегает проводником, пытается лунное серебро найти и вырваться в караванчики. Из-за этих попыток он и ногу в прошлом году сломал. Мерик один из немногих кто понял и принял мысль: «нечего горцам больше в горах делать, не оставят их в покое потомки Квеизакотла». Он и невесту себе среди людей надумал искать, оттого и отец с ним уже три года не разговаривает.

– Да найдём мы твоё серебро друг. – Стукнул его по плечу Тарб. – Два лучших проводника в поиск идут, если оно там есть обязательно найдём.

– Тогда по домам и встречаемся на рассвете.

– Ага. – Кивнул Тарб зло прищурившись. – Щассс, тока волынку заберу.

Втроём мы ворвались в барак и сразу ринулись в угол откуда исходили звуки мучительной агонии семейства кошек. Тарб с ходу пробил прямой в лоб неумелому музыканту отчего тот впечатался в стену и плавно съехал на пол. Подхватив волынку приятель волком оглянулся на собравшихся. Возражений от публики не поступило. Да и кому могут нравиться визгливые крики дерущихся котов? Угол тотчас был занят молодым парнем с гусями, нерадивого волынщика оттащили на предусмотренный в таких случаях тюфяк и танцы продолжились.

Мы с друзьями коротко распрощавшись разошлись по домам спать, завтра трудный день.

Глава 3

Утром собирая вещи задумчиво повертел в руках самородок. Брать его с собой? С одной стороны охота показать парням, с другой – лишний вес. Для работы на жиле нужна кирка, лопата, корзина одевающаяся на спину, подвесной полок для удобства работы в трещинах, верёвки, крюки – всё это в горах не валяется, нужно с собой тащить. Плюс еда и запасная одежда, палатка, плащ... Да, ну его... Спрятал в подпол, пусть лежит. Уже у порога опомнился. Совсем у меня соображение отбило последнее время. Взять и оставить в доме родичей штуку за которую без разговоров могут башку открутить. Маловероятно, что кто-то чужой в подпол заглянет, но если вдруг такое случится... Бррр. Я мотнул головой отгоняя неприятные мысли, вынул из схрона самородок и засунул поглубже в мешок. Не такой уж он и тяжёлый, лишние полтора килограмма погоды не сделают.

Горцы, даже если изрядно набираются, не болтливы, особенно это касается чужих ушей, но половина жителей посёлка приезжие. Незнакомые лица мелькают и исчезают с такой скоростью, что не всех упомнишь. Десятая часть, постоянно сменяющихся, гостей Горнара агенты охраны. Они ничем не выделяются, ведут себя как обычные караванщики или путешественники и при этом умудряются услышать и увидеть всё что происходит вокруг. Говорят у квезийской охраны есть специально обученные маги – слухачи способные подслушать разговор ведущийся за закрытыми дверями. Говорят, есть и такие, что даже видят сквозь стены. Много чего говорят про охранку королевства, но одно я знаю точно – если кто-то находит жилу это становится известно короне, если кто-то затевает смуту это становится известно короне. Как? Это уже другой вопрос, но лучше лишний раз поберечься.

Погода на улице оказалась тихой и морозной. Поскрипывал под ногами выпавший за ночь снег тонким слоем покрывший округу. Солнце ещё не показалось, лишь восток заметно посветлел. Парни уже ждали меня у верхних ворот. Поприветствовали недовольно, ещё бы, минуты на три я припозднился, хорошо хоть нотаций читать не стали. Выстроились гуськом и потопали, на ходу перекидывая друг другу конец страховочной верёвки. Я впереди, поскольку лучше меня в горах только пушистики ориентируются, Тарб последним, поскольку если я всё же провалюсь и утяну за собой Мерика, Тарб нас обоих легко удержит и вытащит.

Минут пять мы шли когда прямо передо мной раздался натужный кашель. Серый валун у края тропы зашевелился и откинув капюшон меховой накидки обнажил морщинистое лицо Хларта. Я убрал руку с рукояти клинка. Нервы шалят. Мы, можно сказать, ещё в городе, а я уже за меч хватаюсь.

– Далеко собрались? – Захрипел амадзин.

– По делу. – Насупился Мерик.

Тарб склонил голову и легонько стукнул себя кулаком в грудь. Тьфу ты, похоже, только я да Мерик не в курсе кем является Хларт на самом деле. Обидно.

– Провожу вас. – Поднялся дядька и протянул руку в которую я тут же кинул конец верёвки.

– Да мы и... – Начал Мерик.

– Усохни сопля. – Отмахнулся амадзин и бодро зашагал впереди отряда.

Видя, что я и Тарб не возражаем Мерик пожал плечами и побрёл следом. Тропу Хларт знает отлично, не удивлюсь если лучше меня, под ноги пару раз за всю дорогу глянул. Вечером остановился именно там где я и сам планировал, вынул из мешка четырёхместную палатку, бросил на камни и скрылся в сгущающихся сумерках. Наверное обход стоянки задумал, а может по нужде, за день мы ни разу не остановились, словом и то никто не обмол-

вился. Вернулся амадзин когда палатка уже была установлена и мы устроились внутри раскладывая на холстине немудрёный ужин.

– Что по нашему делу надумал, племянник?

– Пока ничего.

– Я своего совета не меняю, но если надумаешь вопреки ему поступить, этих с собой возьмёшь? – Кивнул Хларт на парней.

– Их.

– Лучше тогда ребят заранее в дело посвятить может подскажут тебе чего. Дружеский совет он дорого стоит.

– Как окончательно надумаю, так и посвящу.

– Дело твоё. – Согласился амадзин. – Давайте ка парни спать.

Ночью я проснулся от холода. Несмотря на то, что лежал между товарищами замёрз напроочь. Липкий, непонятный сон из головы резко вылетел оставив после себя ощущение тяжести в теле. Будто не кровью и мышцами я набит, а остывшей сталью. Постаравшись никого не разбудить я выскользнул из палатки и подставил лицо порывам ледяного ветра, но вместо замёрзнуть ещё больше наоборот согрелся. Странно. Рядом на корточки опустился Хларт, вздохнул, собрал ладонью снег и уставился в темноту.

– Почему Сталагор пал? – Шепотом поинтересовался я. – Твои дворфы за секунды волкогона простыми палками за тысячу шагов утыкали, а вас было двадцать, амадзинов. Как же вы проиграли?

– Алада не рассказывала разве?

– Только, что предал вас Квеизакотл, обманул.

– Верно, но не только поэтому. Ты ведь считаешь мы великими воинами были? – Усмехнулся Хларт и сам ответил на свой вопрос. – Не так всё. Не были амадзины воинами. Думаешь я Тать ковал врагов бить? Нет. Охотничий это дротик. На зверя я его готовил и дворфы мои, а был их всего десяток, пушнину и мясо для Сталагора добывали. Другом моим лучшим Барат Молот был и не черепа вражеские он молотом крошил, а лучшие вещи на полуострове ковал. Вот у него дворфов четыре хирда было (хирд – сотня), потому как даже из-за моря к нам торговый люд тянулся за доспехами, оружием и прочей дребеденью. Старак Резец мог даже с алмаза стружку снимать, по изумрудам как по дереву резал, а чем ты думаешь Танар Быстрая Кирка занимался?

– Добычей?

– И добычей и тоннели новые для столицы бил. Один воин и защитник у нас имелся – Богдан Меч, но с него то Квеизакотл и начал. Глаза старика уставились сквозь окружившие нас камни в даль.

Раньше Сталагор был крепостью не выпускавшей заразу с Ледяных пустошей, а долины полуострова сами по себе жили. Воевали и друг с другом, и с островами, и за большое море ходили. Не знаю почему Квезу называют полуостровом. Это огромная часть суши смахивающая на грушу и широким концом примыкающая к Ледяным пустошам на севере, а с остальных сторон омываемая морем. Так что по сути Квеза часть северного континента. Пустоши отгорожены от долин громадным горным массивом. Ни карт, ни точной информации о ледяной стране нет, но время от времени оттуда выходит разная гадость и снежники среди этой гадости самые добрые создания. С севера на юг, из массива тянется горный хребет разделяя Квезу да две долины – Правую и Левую. Что-бы торговать друг с другом жителям долин приходится либо обходить его по самой кромке полуострова, а это месяцы пути, либо пользоваться нашим перевалом. Горный массив вместе с хребтом образуют как бы трёхконечную звезду, в самом её центре и находится Сталагор, теперь уж его развалины, я так понимаю.

– В те времена, что по левую, что по правую сторону одни вольные людские королевства были. Почитай каждый богач, сумевший позволить себе дружину, королём себя называл. Бились они все друг с другом нещадно, а затем родился Квеизакотл, тогда его по другому звали, но это не важно. Постепенно вышло у него захватить всю Левую долину, затем и Правую. Пытался он и за море податься, да только не по зубам заморье оказалось, на том и успокоился. Вот только армию свою огромную некуда ему было пристроить. Уйму народу только войну в жизни видевшую, убийцы и захватчики.

– Хм. Таких распусти по домам и получишь бунт через месяц.

– Верно. – Закивал Хларт. – Война таким людям нужна, а из возможных противников, только Пустоши да Сталагор. Только против Сталагора особо не повоюешь. Город – крепость внутри горы. Становятся в узком проходе четверо дворфов и через минуту коридор трупами завален, не протиснутся. Три хирда у мечника были, могли сколько угодно многотысячную армию держать.

– А если осада?

– Бесплезная трата времени. Были в столице и бассейны с чистой проточной водой и поля подземные и пастбища. Да мы и вовсе сами по себе могли жить ни с кем не торгуя. Поэтому когда Квеизакотл свою армию под Сталагор привёл никто и не возмущался. Да он и не напал, а разрешения на проход испросив увёл войско в Пустоши – заразу истребить раз и навсегда. Через три месяца вернулся с малой когортой, кто ранен, кто истощен, кто при смерти. Оставил особо тяжких у нас, не тащить же их через горы в долину. Мы слюни распустили, как же, защитники вернулись – выходить и помочь нужно. Только не смотря на помощь все раненные к вечеру скончались, а ночью встали и пошли по штрекам и штольням. Кого задрали, кого укусили, кого поцарапали.

– А мечники?

– А что мечники? Порубили нежить в лапшу, только при этом сами по уши в заразной крови извоились. Одно дело когда по Сталагорским лабиринтам чужаки бегают и совсем другое когда свои, каждый закоулок знающие горцы с мечами, носятся. Не скроешься от мечника восставшего, не спрячешься.

– Кровавая чума. – Послышался от палатки голос Тарба, они с Мериком сидели у выхода прижавшись друг к другу спинами и слушали Хларта.

Старик кивнул прикусив губу и уже громче, раз всё равно все проснулись, продолжил.

– Два дня в столице бойня продолжалась, на третий с Пустоши ещё войска Квеизакотла подошли, не все что уходили, но достаточно. Осадили Сталагор, выходы завалили. Спасшихся горцев разделили поровну и милостиво позволили построить две деревни по краям перевала, караваны водить, да руду добывать. Вот и вся история.

– Так Сталагор, получается, не разрушен? – Спросил Мерик. – Просто закупорен?

– Получается. – Согласился дядька.

– Семьдесят лет прошло. – Важно заявил Тарб сверля амадзина взглядом.

– Не пялся засранец. – Скривился Хларт. – Отца твоего наслушался по горло, ещё ты пищишь. Может и выветрилась зараза, спорить не буду, но двадцать лет назад туда уже ходили.

– Их всего двое было, мало ли, что случилось. – Упрямо гнул своё Тарб.

– Правильно. – Всплеснул руками старик. – Давайте все сходим. Вот прямо завтра совет соберём и скопом пойдём. Пора уже последних горцев похоронить – зажились.

– Не обязательно всем, разведать и втроем можно. – Тарб поочерёдно покосился на нас ожидая поддержки.

– Это сколько там всего осталось. – Мечтательно протянул Мерик.

Идите ка спать детки. – Вздохнул старик. – Головешки у вас не выросли, большие думы думать. Годиков через десять поговорим, когда у вас свои дети появятся. Хларт отвернулся давая понять, что разговор окончен.

Улёгшись и уткнувшись в спину Тарба я подумал, что история конечно жуткая, но я и похуже слышал. Алада могла бы и рассказать всё как есть, не развалилась бы. Хотя, положив руку на сердце, надо признать, что скорее всего я бы тогда в одиночку в Сталагор попёрся. Может родителей сгинувших искать, а может и просто за интересом. Правильно, что не сказала – всему своё время.

Утром, как только вышло солнце, двинулись дальше. К обеду добрались до поста. Хларт перекинулся парой слов со своими и привычно начал нарезать круги по площади. А мы, как и задумывали, пошли искать и исследовать трещины.

Свою жилу я нашел быстро, использовал как ориентир многочисленные собачьи следы, обрывки шкуры и одежды. Падальщики мертвеца нашли и скажу честно: на собак эти «симпатяги» только следами и похожи.

Как же я сглупил! У волкогона ведь кошелёк был и очень даже не пустой! А ещё снаряжение. За которое мне теперь расплачиваться придётся. После трапезы падальщиков, можно и не искать ничего, они всё подряд глотают – слопали.

Ай-ай-ай. Ну ладно я. Я тогда столько всего насмотрелся и так испереживался, что и имя своё мог забыть, а дворфы куда смотрели? Хотя может они и посмотрели. Эээ... Нет, врядли, я же сам за копьём ходил. Наверняка все подумали, что всё что можно я уже забрал.

Так! Нужно про это дело забыть и помалкивать, иначе до конца жизни мне напоминать будут как я гору золота профукал. Четверть-горца – покажется мне милым прозвищем, если кто-то пронюхает про такую оплошность.

Эх! Лучше бы этих обрывков и не видел – испортил себе настроение на пол жизни. Прошелся я вдоль трещины разбивая тонкую корку снега и установил флажки по краям. Ну хоть это уже точно моё, в смысле, наше.

Парни бродили поодаль усердно тыкая перед собой щупами. До вечера нашли ещё три разлома, но соваться в сумерках не рискнули, отложили на утро. На ночь устроились в общей зале у одного из двух каминов расположенных с противоположных сторон помещения. Мне продолжал сниться всё тот же сон. Не помню о чём точно, но что-то про холодный текущий металл.

К обеду следующего дня у поста появились добытчики Дарма, отца Тарба. Разочарованно понаблюдали за снежным полем щедро утыканным красными флажками и убрались. К этому времени мы едва третью часть поля обследовали, но Мерик прохвост ещё тот, предложил флажков везде наставить. Со стороны казалось, что местность обыскана вдоль и поперёк вот новые искатели жил и не захотели завязываться.

– Я же говорил сработает. – Заорал Мерик через всё поле, когда добытчики скрылись.

– Говорун. – Чертыхнулся я от неожиданного окрика провалившись одной ногой в трещину. Зачем орать то? Вот услышат отступившие, вернутся ещё. В горах, если погода хорошая, звуки далеко распространяются. А погода радовала. Лёгкая дымка облаков смягчала яркость солнца, ветер почти не ощущался, тепло.

Следующие два дня прошли в планомерном и кропотливом изучении поля. Флажки теперь стояли не для камуфляжа, а отмечали начало, середину и конец трещины. Если разлом резко сворачивал, поворот так же отмечался. Непосвящённому показалось бы, что флажки натканы хаотично, но специалист за минуту карту нарисует. Тут главное принцип понять.

– Всё. Отбегались. – Подошел к посту Тарб отметив последнюю трещину. – Теперь корячиться головой вниз. Фонари сейчас подготовим или уже завтра?

– Сегодня. – Вздохнул я.

Хоть спина и ноет, а лучше подготовить всё заранее, завтра она заночует ещё сильнее по причине частых наклонов. Большинство таких трещин не глубокие, достаточно опустить вниз фонарь и согнувшись в три погибели засунуть голову в провал. Сразу будет видно есть там что-то или нет. Бывают трещины и глубже тут фонарь опускают на верёвке, но нагибаться то все равно приходится. Бывают и совсем глубокие, на верёвках приходится опускаться самому, но если такие попадутся мы их на потом оставим. Сначала добывается то, что ближе к поверхности, если это не лунное серебро конечно.

Подготовили мы фонари и завалились спать, а на следующий день началось... Подхожу к провалу заглядываю – пусто, иду вдоль, шагов тридцать, снова заглядываю. Уже к обеду поясница нещадно скрипела и постреливала. Зато Тарб обнаружил жилу красного железняка, плавильни у нас его с руками оторвут. Хоть и долгое это дело из железняка качественный чугун выплавлять, но оно того стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.